УДК 101.1 DOI: 10.5281/zenodo.21346658 EDN: BBFICS

ОТ ЕВРАЗИЙСТВА К НЕОЕВРАЗИЙСТВУ: ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ДИСКУРСА

© **2026** ***Р.И. Шайдулин***
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

В статье рассматривается вопрос эволюции идейного течения евразийства как попытка сформулировать модель социокультурной идентичности на территории постсоветского пространства. В качестве разработанного социально-философского подхода предлагается идея начала разработки евразийства и его дальнейшего перерождения в неоевразийство как диалектической оппозиции либеральной идее западной философской мысли. Классифицируются основные подходы (неоевразийство А.Г. Дугина, левое течение, правоконсервативное, «региональное» и др.) современных исследователей, характеризующие дискурсивные течения (социальнополитическое, социокультурные, методологические и др.) внутри неоевразийства. Рассматривается вопрос трактовки неоевразийства в странах Ближнего зарубежья (Республика Казахстан, Республика Кыргызстан). Выделяются фундаментальные скрепы (неоконсерватизм, антиглобализм и др.), связывающие в единый смысловой поток многогранность неоевразийского дискурса.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, цивилизационный подход, казахстанская модель неоевразийства, евразийский экономический союз**.**

Введение. Множественность социокультурных структур, охватывающих социальную ойкумену на планете, поставила задачу описания уникальной социальной онтологии и ее сущностных проявлений в пределах евразийского пространства. Уникальность и неоднородность географического ландшафта Евразии, широкий спектр культурной неоднородности, этническое многообразие, скрепленное общей исторической канвой, позволяют рассмотреть социальную и политическую онтологию постсоветского пространства через методологию евразийства.

Евразийство – это гуманитарно-социальная концепция первой половины XX в., предлагающая идею о культурном и историческом единстве народов, проживающих на территории евразийского пространства. Эволюция интеллектуальной мысли в гуманитарно-социальной области в течение XX века сформировала новые грани в конструкции евразийской мысли, развернутой в неоевразийстве. Принципы мультикультурализма и гетерогенность множества евразийского пространства как безусловность создания целого – это и многое другое характеризует неоевразийство. При этом само понятие неоевразийства как идеологической парадигмы является диалектической оппозицией понятию либеральной парадигмы, сформированной в рамках западной социокультурной модели.

Методологической основой работы являются цивилизационный и системный подходы, которые позволяют увидеть внутреннее самодвижение процессов на территории евразийского пространства в ходе исторической ретроспективы. Точкой опоры данной работы послужит изучение эволюции дискурса об общественно-философском направлении евразийства (неоевразийства) в период с 1920-х по 2025 год. Это позволит реализовать цель работы: сформулировать базовые категории идеологического течения евразийства (неоевразийства) и приблизиться к пониманию метафизических особенностей последнего, ведь «метафизика мыслит сущее в категориях», как отмечал М. Хайдеггер [1, с. 85].

Основная часть. Эпоха геополитических изменений первой половины XX века, нахлынувших на большую часть человечества, сформировала среди интеллектуалов новое понимание социокультурного разнообразия множества народов, населяющих планету. Самодостаточным дискурсом стала нарождаться идея общего исторического пути, единого семантического и смыслового поля пространства Евразии, что получило законченное социально-философское оформление в белоэмигрантских кругах в начале 1920-х годов. К первому поколению евразийцев, разработавших соответствующее социально-философское течение (евразийство), относятся Н.С. Трубецкой; П.П. Сувчинский; Г.В. Флоровский; П.Н. Савицкий и другие. Отправной точкой в зарождении евразийского движения является публикации работ Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», «О туранском элементе и русской культуре», «Мы и другие». Базовым лейтмотивам этих работ выделяется феномен взаимопроникающего процесса инкорпорации туранского элемента в формирование русского самодержавия. В своих работах Н.С. Трубецкой рассматривал евразийское пространство как суперсистему, которая имела синтетический характер. Политическая конструкция средневековой Руси «в одном из своих истоков произошла из татарской» [2, с. 35], что есть синтез взаимодействия туранского и славянского элементов. При этом для Н.С. Трубецкого проблема аналогичности построения модели развития Евразии через синхронизацию вектора движения строго на платформе европейской культуры ставится под сомнение. Ведь качественное сравнение множества социокультурных моделей возможно вне императивно-доминантной позиции: «Европейская культура не есть культура человечества. Это продукт истории отдельной этнической группы» [2, с. 81].

Географический аспект пространственной субстанциальности евразийской культуры исследовал географ П.Н. Савицкий, выделивший «Евразию» как три равнины: восточно-европейскую («беломорско-кавказскую»), западносибирскую и туркестанскую [2, с. 100]. Проводя исследование особенностей физической географии Евразии, ученый строил концепцию, в которой физическая география влияет на социетальную систему Евразии, а «разум, жадно усваивающий факторы окружающей среды» [3, с. 11], как отмечал Х. Маккиндер, оказывается объектом воздействия физической географии. По сути, П.Н. Савицкий в своих работах исходил из методологической позиции географического детерминизма, когда физическое пространство как субъект воздействия предопределяет сущностные особенности социальной и политической онтологии объекта. Пространственный фактор или географическая предопределённость в интеллектуальном сообществе евразийцев первого поколения являются ключом к открытию понимания субстанционального начала, создающего социальную и политическую онтологию Евразии.

Крупнейшим представителем второго поколения евразийцев является исследователь Л.Н. Гумилёв, поэтично называвший себя «последним евразийцем». Сформулированная им оригинальная теория этногенеза стала ключом для открытия интеллектуального феномена идей евразийства с новых концептуальных позиций: через попытку демонстрации внутренних механизмов взаимодействия кочевых и оседлых народов евразийского пространства. Анализ переплетения судеб множества этносов в потоке исторических событий Евразии стал фундаментом рождения теории этногенеза, функциональной частью которой является гипотеза о пассионарности, преобразующая этнос в суперэтнос. Пассионарные процессы, определяющие рождение и смерть этносов, являются, согласно идеям Л.Н. Гумилёва, доминантой, формирующей социокультурный ландшафт евразийского пространства. Опираясь на тысячелетнюю историю Евразии, философ демонстрировал этнические волны,

накрывающие пространство Евразии от хунно-тюркского периода к монгольскому нашествию и до формирования Российской империи. История евразийского пространства как целого – это история пассионарных толчков, формирующих суперэтнос, который выступает императивом социокультурных изменений.

При этом сущностные качества этноса, согласно Л.Н. Гумилёву, определяются географическим ландшафтом: «родиной этноса является сочетание ландшафтов, где он впервые сложился в новую систему» [4, с. 239]. В своих выводах философ возвращается к оригинальной идее П.Н. Савицкого «о влиянии географического ландшафта на этнические сообщества» [4, с. 240]. «Месторазвитие» – это категория, создающая уникальную онтологию этносов, формирующая понятие о реальности, наполняющая внутреннее определение бытия, генерирующая нормы и ценности человека в сообществе.

Во второй половине XX века возрастает интерес европейских исследователей к нарративам евразийства; осуществляются первые попытки взглянуть на исторические процессы большой Евразии через линзу иной идеологической парадигмы. Одним из первых исследователей евразийства среди зарубежных учёных был немецкий исследователь Отто Босса, издавший в 1961 году монографию «Учение евразийцев» («Die Lehre der Eurasier») [5]. Изучение творческого наследия евразийцев проходит через персональную биографию выдающихся личностей: Чарльз Гальперин, исследовавший наследие Г.В. Вернадского; французский историк литературы Жорж Нива, занимавшийся интеллектуальным наследием Н.С. Трубецкого; Анатолий Либерман, изучавший личность Н.С. Трубецкого; М. Ларюэль, П. Серио и др.

В целом, важность исследований работ европейских учёных заключается в том, что, находясь перцептивно вне поля социально-философской модели Евразии, фокус взгляда зарубежного исследователя открывает внешние грани евразийства. Подтверждением данного феномена являются исследования современных немецких нарративных источников, где евразийство для части немецких интеллектуалов «является заимствованным концептом и представляет собой некоторую культурологическую проблему» [6, с. 560]. Ведь большая часть евразийского нарратива создается рекурсивно, то есть описание модели происходит в ситуации, когда субъект (исследователь) является частью модели описания.

Крупнейшим интеллектуалом современности, создавшим новый импульсивный поток для интеллектуальной эволюции неоевразийского дискурса, стал российский философ А.Г. Дугин. Множество его выступлений и публикаций с конца 1980-х годов внесли большой вклад в возрождение неоевразийской тематики.

Предметом публикаций А.Г. Дугина стали геополитические процессы на территории постсоветского пространства. Он акцентировал важность обсуждения евразийской тематики как перспективного учения социальной и политической философии для стран постсоветского пространства, в том числе и в свете истощения потенциала коммунистической идеологии, дошедшей до состояния «дряхлости» [7, с. 14]. С другой стороны, А.Г. Дугин посредством своих работ, раскрывающих сущность социально-философской стороны евразийства, критикует дискуссионную концепцию Ф. Фукуямы о тотальной победе либеральной идеологии и «конце истории» других идеологических течений [8]. По поводу этого А.В. Иванов отметил, что данный труд Ф. Фукуямы «стал пророческим реквиемом именно по Западу с его рыночно-либеральной мифологией и претензией на мировое господство» [9, с. 67].

При этом А.Г. Дугин, выступая с критических позиций в адрес эпистемологических сообществ, рассматривающих либеральный и неолиберальный

путь развития для стран постсоветского пространства и России, в частности, говорит о том, что именно рождение новой «Четвёртой политической теории» [7], откроет возможность создания новой социально-философской модели. По мнению философа, сформировавшийся идеологический вакуум в евразийском пространстве должен быть наполнен «Четвёртой политической теорией», задача которой – структурировать смыслы постсоветского социального пространства, выделяя в политической поэме «Евразийство» базовые философские категории, наполняющие резервуар смыслов в духе идей неоевразийства. Здесь А.Г. Дугин формулирует три философские интенции, создающие неоевразийство как феномен: «народ» как высшая ценность – «эротический патриотизм» [7, с. 245]; физическое пространство как живая реальность («Дух земли»), где он продолжает идеи П.Н. Савицкого, Л.Н. Гумилева о понятии «месторазвитие» [4, с. 253]; вопрос цикличности времени, где вечность есть бесконечность, воспроизводящая себя через Традицию – «Вечность в твоих ладонях» [7, с. 257].

В целом А.Г. Дугин в своих работах раскрывает мысль о том, что с геополитических позиций неоевразийство – это, прежде всего, форма противостояния глобализму, который в своем стремлении направлен на унификацию разнообразного культурного ареала Евразии. С позиции социальной и политической философии неоевразийство есть симфоническая модель коллективной идентификации, диалектически противостоящая модели неолиберальных ценностей, достигших ситуации «освобождения индивида от всего остального, кроме индивида» [10, с. 247]. Альтернативой неолиберального (трансгуманистического) идеологического движения народов евразийского пространства, в представлении русского философа, является движение в сторону традиционализма. Истоки традиционализма – это философское наследие Юлиуса Эволы, Рене Генона и другие традиционалистские идеи, которые получили новый импульс в концепте неоконсерватизма как единого вектора движения для народов евразийского пространства. В данном случае представляет интерес современное диссертационное исследование М.В. Рендл, которое оценило нарративы А.Г. Дугина об «особой миссии России по возрождению традиционной культуры европейской части земного шара» как дискурс, который «уже не кажется, впрочем, чем-то крайним утопичным» [11, с. 303].

Пережив столетний период развития, евразийство продолжило своё существование, трансформировавшись в новый концептуальный подход – неоевразийство. В связи с этим отмечается повышенный интерес к тематике евразийства среди современных российских исследователей: Р.Р. Вахитов [12], А.Б. Панченко [13], У.Н. Хазыр [14], Л.С. Кочарский [15], Т.М. Гришина [16], М.В. Волков [17], Копылов М.В. [18], А. Г. Дружинин [19] и многие другие. Одним из примеров, свидетельствующих об актуальности неоевразийской тематики на современном этапе, стала вышедшая в 2023 году монография башкирского исследователя Р.Р. Вахитова «Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф». Здесь автор на платформе идей классиков евразийства попытался создать макет «конструирования евразийской философии» [12, с. 11], развернутый как возможный вектор в поиске коллективной идентичности на территории постсоветского пространства. В 2025 году в г. Барнауле была издана коллективная монография «Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)». Авторы монографии (А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева) определили положение России как центра «средокрестия меридиональных и широтных евразийских цивилизационных коридоров» [9], где Арктический пояс философы формулируют «как территорию будущего» [9, с. 184] для евразийского вектора движения.

На сегодняшний день структура классификации современных подходов к неоевразийству различна. К примеру, исследователи А.И. Гарлик, [20], А. В. Самохин, [21], Р.Р. Вахитов [12] выделяют пять интеллектуальных векторов внутри неоевразийства:

1) неоевразийство А.Г. Дугина;

2) этнологический подход Л.Н. Гумилёва;

3) правоконсервативное неоевразийство (В.В. Кожинов);

4) левое течение неоевразийства (С.Г. Кара-Мурза, Р.Р. Вахитов и др.).

5) «академическая школа» неоевразийства (А.С. Панарин, Н.Н. Моисеев, Ф.И. Гиренок и др.).

В свою очередь, А.Т. Бердин в общую топологию идейных векторов неоевразийства добавляет новый взгляд со стороны «региональной идеологии некоторых национальных республик Российской Федерации и государств СНГ» [22, с. 58]. Предлагается система координат, в которой изменения дискурса происходят не только в диапазоне от крайне правых до крайне левых взглядов, но и добавляется дополнительное измерение в виде географической локации интерпретации евразийской идеи. По сути, формируется функциональная зависимость между содержанием идеи о неоевразийстве и локацией становления соответствующего дискурса.

На современном этапе локация академических школ, занимающихся евразийской проблематикой, представлена широкой географией на территории евразийского пространства:

1) исследователи г. Москвы (А.Г. Дугин, А.В. Иванов, М.Г. Вандаловская, В.Я. Пащенко и др.);

2) Поволжский центр, представляющий тематику о роли тюркского фактора в евразийстве (Р.Р. Вахитов, М.Б. Ямалов, Р.Б. Тагиров, Р.Ф. Гатаулин и др.);

3) Уральский центр, занимающийся анализом евразийских концептов (А.В. Головнев, К.И. Зубков, С.С. Беляков и др.);

4) Томский центр, занимающийся историографическими проблемами евразийства (А.Н. Полухин, Н.В. Ануфриев и др.);

5) исследователи г. Новосибирска и г. Барнаула, изучающие праксиологический характер евразийства для современной России (Ю.В. Попков, Е.В. Романова и др.);

6) исследователи Республики Казахстан (А.Н. Нысанбаев, С.Б. Селиверстов, К.Н. Бурханов [33], Р.К. Кадыржанов и др.);

7) исследователи Республики Кыргызстан (А.И. Какеев, М.А. Исмаилов, А.К. Илебаев, Н.М. Жумагазиева, Т.К. Койчуев, А.И. Нарынбаев и др.).

Одновременно в странах Ближнего зарубежья (Республика Казахстан) формулируется национальный вектор на идентичность, в том числе в рамках идейного течения неоевразийства, содержащего потенциал (по мнению академика Национальной академии наук РК А.Н. Насынбаева) «одной из перспективных идей, которая могла бы определить тип культурно-исторического развития Казахстана» [23, с. 19].

Крупнейшим представителем идейной школы неоевразийства, решившим практически реализовать неоевразийский дискурс, стал казахстанский политик Н.А. Назарбаев, деятельность которого А.Г. Дугин оценил как «Евразийскую миссию» [24], придав эпохальный оттенок деятельности Н.А. Назарбаева.

Первый этап реализации идеи произошёл в 1994 году во время лекции Н.А. Назарбаева в г. Москве (МГУ им. М. В. Ломоносова), где была озвучена тема практического использования идей неоевразийства. Осмысливая реальность постсоветского времени, Н.А. Назарбаев обозначил сущностные изменения, где «с

одной стороны, происходит становление национальной государственности, а с другой – укрепляется тенденция к интеграции стран СНГ» [25, с. 25].

Сформулированная казахстанская модель неоевразийства – это методология локальных цивилизаций: суперсистема, где культурные подсистемы (локальные цивилизации) взаимодействуют на принципах бесструктурного управления. Функционирование и управление суперсистемой возможно только при формулировании единого вектора целей (неоконсерватизм) для всех множеств каждого элемента (локальной цивилизации). Формулирование основных узловых пунктов неоевразийства Н.А. Назарбаев представил в работе «Стратегия независимости»: союз равноправных независимых государств; реализация национально-государственных интересов каждой страны-участницы проекта; признание границ и территориальной целостности страны-участницы; экономический базис взаимодействия стран-участниц евразийского проекта. Республика Казахстан как страна, находящаяся в «сердце Евразии», как оценил З. Бжезинский, имеет исключительное географическое положение: «из пяти новых независимых государств Средней Азии Казахстан и Узбекистан играют самую важную роль» [26, с. 225]. Географическое положение Казахстана как «сердца Евразии», которое связано с пересечением континентальных линий Евразийского континента, создало основу для развития многовекторности: геостратегические партнеры – Российская Федерация, Китайская Народная Республика и Соединённые Штаты Америки.

Евразийская (неоевразийская) модель интеграции постсоветских стран и, в целом, определение вектора последствий для стран Центральной Азии становятся весьма чувствительными с позиции национального суверенитета, в результате чего актуализируется вопрос реинкарнации имперской модели. Исследователь Э.К. Дуйшоев, анализируя потенциал интеграционного процесса на платформе евразийского дискурса для Кыргызстана, резонно ставит вопрос: «является ли этот проект рецидивом неоимперского мышления» [27, с. 3] или это поступательные шаги в новый обновлённый формат интеграции евразийского пространства. В целом, Э.К. Дуйшоев на примере интеграции Республики Кыргызстан в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) приходит к выводу, что формат неоевразийской модели демонстрирует модальный пример формирования многополярного мира, где евразийский проект становится перспективным для Кыргызстана. Россия, по мнению Э.К. Дуйшоева, выступает «ядром евразийской интеграции» [27, с. 15]. При этом исследователи отмечают, что возможность формирования интеграции в рамках евразийских (неоевразийских) идей открывается, прежде всего, на основе коллективных усилий постсоветских стран, в процессе чего, как считает казахстанский исследователь С.В. Селиверстов, «ни одна страна не может быть монополистом в этой области» [28, с. 21].

Дискурс неоевразийства с позиции стран-участниц – это комплементарная конструкция будущей архитектуры взаимодействия, опирающаяся на тезис о том, что пройдена точка невозврата к Советскому союзу. По сути, данный дискурс провел границу между проявленными политическими сущностями социальной онтологии евразийства в виде классической империи и внутренним (диалектическим) преображением содержания неоевразийской модели, которая создает новую реальность (наличное бытие) взаимодействия стран-участниц.

Тенденция к тому, что онтологическая гетерогенность больших пространств (поликультурность) и возможность интеграции состоятельны только в духе постмодерна, была выделена Г. Киссинджером как часть современной мировой

тенденции: «Разделённость и многообразие стали отличительными признаками новой системы международного порядка – с собственным мировоззрением, собственной философией» [29, с. 9].

Казахстанский и кыргызский подход к неоевразийству представлен практическим отношением. Если идеи российских ученых носили историософский характер, то идея Н.А. Назарбаева, кыргызских интеллектуалов носит расширенный дискурсивный вектор, базирующийся на экономической составляющей интеграционного потенциала неоевразийства.

При этом феномен взаимодействия культур евразийского пространства, который происходит параллельно политическим процессам, представлен, в том числе, в исследованиях литературоведов Казахстана. Выявление всестороннего и развернутого характера русско-казахских литературных отношений в контексте идей евразийства показано в работах казахстанских интеллектуалов, изданных в начале 1990-х годов: Ш.С. Елеуканова «Евразийский талисман. О литературных истоках движения»; Н. Ровенского «Евразийская основа славяно-тюркского дуализма в русской литературе» [30] и др. По сути, данные работы продемонстрировали евразийство (неоевразийство) не только как социополитический, но и как социокультурный феномен.

В целом, из современных исследований об евразийской интеграции за последние пять лет стоит выделить работу С.В. Базавлука [31], посвященную анализу реализации евразийской идеи интеграции в формате ЕАЭС и использующую в своих материалах текущие аспекты геополитического кризиса современности. Факторами, приостанавливающими динамику интеграционных процессов, исследователь Я.В. Калиш [32] видит прежде всего протекционистские тенденции стран-участниц проекта, а также отсутствие четко сформулированной всецелой объединяющей идеологической концепции. При этом фактор внешнеполитических процессов, развернувшихся в ходе геополитического кризиса 2020-х годов на территории евразийского пространства, стал моментом, оказавшим влияние на ЕАЭС, который Т.М. Гришина в своем диссертационном исследовании оценивает как фактор «реальности становления Союза» [16, с. 16].

Заключение. Евразийство в классическом виде конструировало модель суперсистемы, исходя из проявленных онтических свойств эпохи первой половины XX века, где описываемый вектор движения имел Центр сборки пространства в целое вместе с соответствующей политической конструкцией. Неоевразийство исходит из широкого спектра дискурсов, растворяющих Центр как определенность в многообразие равновесных культур.

Анализ эволюции евразийского (неоевразийского) дискурса демонстрирует несколько существенных отличий между классическим евразийством и неоевразийством. В данном случае можно согласиться с исследовательницей В.Г. Ждановой [33], рассматривающей неоевразийство как учение, где на первый план выдвигается меридиональная схема развития связей по принципу «Север–Юг», в отличие от классического евразийства – «Восток–Запад». Православие как связующая ментальная нить в рамках классического евразийства перестает играть первостепенную роль консолидации евразийского пространства. Неоевразийская модель, в свою очередь, постулирует консолидацию через диалог культур, но при этом важным фактором, образующим единый канал смысла для евразийского пространства, является русский язык.

Ключевой вопрос развития социально-философского учения евразийства – это понимание методологии движения внутреннего содержания евразийской модели. Так, в

частности, классическое евразийство базировалось на позициях географического детерминизма, создавая онтологическую картину мира на платформе материализма. В свою очередь, неоевразийское учение отказывается от географического детерминизма в пользу поссибилизма. По сути, неоевразийская модель инкорпорирует в свою методологию элементы идеализма, то есть каузальность дополняется телеологичностью процессов. При этом, несмотря на большой объем публикаций по евразийской тематике, наблюдается дефицит исследований, посвященных вопросу методологии описания социальной онтологии евразийского учения.

Кратко рассмотрев историю развития евразийской мысли в социально-философском аспекте, можно резюмировать, что неоевразийство как философская мысль имеет широкий горизонт подходов, но существуют фундаментальные элементы, связывающие широкий спектр эволюционирующих дискурсов в единую целостность:

1) фундамент неоевразийства – цивилизационный подход как метафизическое выражение собственной коллективной идентичности;
2) метафизическое противостояние, выраженное в антиглобализме;
3) культурная уникальность как противоположность универсализму.

В целом, оригинальный дискурс евразийства и неоевразийства как социально-философской мысли характеризует уникальность социальной онтологии Евразии, выступающей как диалектическая оппозиция либеральной идеологии. Интеллектуальный потенциал евразийской идеи предоставляет возможность описать социально-философские процессы на территории постсоветского пространства с нового ракурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступ. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
2. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / сост. Л. И. Новикова. – Москва: Наука, 1993. – 345 с.
3. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Хэлфорд Маккиндер; [перевод с английского В. Желнинова]. – М.: АСТ, 2021. – 288 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Москва: издательство АСТ, 2021. – 704 с.
5. Boss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russishen Ideengeschicte des 20 Jahrhunderts. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1961. – 130 s.
6. Степанова М.А. Концепт евразийства в немецком политическом дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). – С. 557-562.
7. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора. 2009. – 351 с.
8. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134-148.
9. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода): монография / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева [и др.]. – Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с.
10. Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. – Москва: Трикста, Академический проект, 2010. – 363 с.
11. Рендл М.В. От модерна к постмодерну: социокультурные основания парадигмальных изменений: дис. … доктора фил. наук: 09.00.13. / М.В. Рендл. – Ростов-на-Дону, 2017. – 359 с.
12. Вахитов Р.Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – 239 с.
13. Панченко А.Б. Этническая проблематика в евразийском дискурсе: 1920-1990-е гг.: автореферат дис. … канд. ист. наук: 07.00.07. / А.Б. Панченко. – Сургут, – 2011. – 25 с.
14. Хазыр У.Н. Паттерны современного антизападничества: неосманизм и неоевразийство во внешнеполитических дискурсах Турции и России: дис. … канд. пол. наук: 5.5.2. / У.Н. Хазыр. – М., 2025. – 360 с.
15. Кочарский Л.С. Потенциал идеологии евразийства и неоевразийства в развитии культурной и политической сфер российского общества: автореферат дис. … канд. фил. наук: 5.7.7. / Л.С. Кочарский. – Новочеркасск, 2024. – 23 с.

16. Гришина Т.М. Эволюция евразийской интеграции на постсоветском пространстве (1991-2022 гг.): автореферат дис. … канд. ист. наук: 5.6.7. / Т.М. Гришина. – М., 2024. – 24 с.
17. Волков М.В. Евразийский вектор социокультурного развития России : дис. … канд. фил. наук: 5.7.8. / В.М. Волков. – Ростов-на-Дону, 2025. – 168 с.
18. Копылов И.В. Философия государства и вопросы государственного строительства в учении классического евразийства: дис. … канд. фил. наук: 5.7.2. / И.В. Копылов. – Мурманск: 2025. – 166 с.
19. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ: монография / А.Г. Дружинин. – Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 2021. – 270 с.
20. Гарлик А.И. Идеи евразийства в контексте современного развития России: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / А.И. Гарлик. – Чита, 2000. – 140 с.
21. Самохин А.В. Евразийство как идейно-политическое течение в России XX век: автореф…дис. канд. ист. наук: 23.00.01. / А.В. Самохин. – М., 2004. – 32 с.
22. Бердин А.Т., Буранчин А.М. Современные течения евразийства в политической жизни России // Панорама Евразии. – 2008. – № 1. – С. 58-64.
23. Евразийство в XXI веке: проблемы и перспективы / гл. ред. А.Н. Насынбаев.– Алматы: ИФП КН МОН РК, 2009. – 334 с.
24. Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. – М.: РОФ «Евразия», 2004. – 285 с.
25. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы 1994-1997. – М.: Фонд содействия развитию соц. и полит. наук, 1997. – 479 с.
26. Бжезинский Зб. Великая Шахматная доска. – М.: АСТ, 2021. – 384 с.
27. Дуйшоев Э.К. Мировоззренческие основания и социальный потенциал евразийского проекта в условиях современных общественно-политических реалий: автореферат дис. … канд. фил. наук: 5.7.8. / Э.К. Дуйшоев. – Новочеркасск, 2024. – 23 с.
28. Селиверстов С.В. Казахстан, Россия, Турция: по страницам евразийских идей XIX-XXI веков / С.В. Селиверстов. – Алматы: Баспалар уйі, 2009. – 328 с.
29. Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2022. – 512 с.
30. Евразийский талисман: монография / М.Д. Симашко, Ш.Р. Елеуканов, Н.С. Ровенский. – Алматы: Білім, 1996. – 181 с.
31. Базавлук С.В. Евразийская идеология и евразийская интеграция: монография / А. Азизова, С.В. Базавлук, М.А. Баранник. – М.: Аспект Пресс, 2025. – 345 с.
32. Калиш Я.В. Евразийская интеграция: идейные основания, политический опыт, вызовы и перспективы : дис. … канд. пол. наук: 23.00.04. / Я.В. Калиш. – М., 2018. – 208 с.
33. Жданова Г.В. Евразийство в современных исследованиях, философские аспекты: дис. … канд. фил. наук: 09.00. 03. / Г.В. Жданова. – М., – 2002. – 145 с.

REFERENCES

1. Heidegger M. (1993). Vremya i bytie: st. i vystup [Time and Being: Art. and Protrusion]. Moscow: Respublika. (In Russian).
2. Novikova L.I. et al. (Eds.). (1993). Rossiya mezhdu Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn: teksty [Russia between Europe and Asia: The Eurasian Temptation: texts]. Moscow: Nauka, 345 p. (In Russian).
3. Mackinder H. (2021). Geograficheskaya os' istorii [Geographical pivot of history]. Moscow: AST, 288 p. (In Russian).
4. Gumilyov L.N. (2021). Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the earth]. Moscow: AST, 704 p. (In Russian).
5. Boss O. (1961). Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russishen Ideengeschicte des 20 Jahrhunderts [The teachings of the Eurasians. A contribution to the Russian intellectual history of the 20th century]. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 130 p. (In Germany).
6. Stepanova M.A. (2023) Koncept evrazijstva v nemeckom politicheskom diskurse [The concept of Eurasianism in German political discourse]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, and education], 3, pp. 557-562 (In Russian).
7. Dugin A.G. (2009). CHetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei HKHI veka [The Fourth Political Theory. Russia and the Political Ideas of the 21st Century]. Sankt-Peterburg: Amphora, 351 p. (In Russian).
8. Fukuyma F. (1990). Konec istorii? [End of story?]. Voprosy filosofii [Questions of philosophy], 3, pp. 134-138 (In Russian).

9. Ivanov A.V., Popkov Y.V., Fotieva I.V. (2025). Rossiya v sredokrestii prostranstv i vremen (opyt sinteticheskogo civilizacionnogo podhoda) [Russia at the Crossroads of Spaces and Times (An Experiment with a Synthetic Civilizational Approach)]. Barnaul: New format, 303 p. (In Russian).
10. Dugin A.G. (2010). Logos i mifos. Sociologiya glubin [Logos and Mythos. Sociology of the Depths]. Moscow: Triksta, Academic Project, 363 p. (In Russian).
11. Randle M.V. (2017). Ot moderna k postmodernu: sociokul'turnye osnovaniya paradigmal'nyh izmenenij [From modernity to postmodernity: sociocultural foundations of paradigmatic changes]. Doctor's thesis. Rostov-on-don, 359 p. (In Russian).
12. Vahitov R.R. (2023). Eurasianism: Logos. Eidos. Symbol [Eurasianism: Logos. Eidos. Symbol]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal, 239 p. (In Russian).
13. Panchenko A.B. (2011). Etnicheskaya problematika v evrazijskom diskurse: 1920-1990-e gg. [Ethnic issues in Eurasian discourse: 1920-1990s]. Extended abstract of candidate'sthesis. Surgut, 25 p. (In Russian).
14. Khazyr U.N. (2025). Patterny sovremennogo antizapadnichestva: neosmanizm i neoevrazijstvo vo vneshnepoliticheskih diskursah Turcii i Rossii [Patterns of Contemporary Anti-Westernism: Neo-Ottomanism and Neo-Eurasianism in the Foreign Policy Discourses of Turkey and Russia]. Candidate's thesis. Moscow, 360 p. (In Russian).
15. Kocharsky L.S. (2024). Potencial ideologii evrazijstva i neoevrazijstva v razvitii kul'turnoj i politicheskoj sfer rossijskogo obshchestva [The potential of Eurasianism and neo-Eurasianism ideology in the development of the cultural and political spheres of Russian society]. Extended abstract of candidate'sthesis. Novocherkassk, 23 p. (In Russian).
16. Grishina T.M. (2024). Evolyuciya evrazijskoj integracii na postsovetskom prostranstve (1991-2022 gg.) [Evolution of Eurasian integration in the post-Soviet space (1991-2022)]. Extended abstract of candidate'sthesis. Moscow, 24 p. (In Russian).
17. Volkov M.V. (2025). Evrazijskij vektor sociokul'turnogo razvitiya Rossii [The Eurasian vector of socio-cultural development of Russia]. Candidate's thesis. Rostov-on-don, 168 p. (In Russian).
18. Kopylov I.V. (2025). Копылов И.В. Filosofiya gosudarstva i voprosy gosudarstvennogo stroitel'stva v uchenii klassicheskogo evrazijstva [Philosophy of the state and issues of state building in the teachings of classical Eurasianism]. Candidate's thesis. Murmansk, 166 p. (In Russian).
19. Druzhinin A.G. (2021). Дружинин А.Г. Idei klassicheskogo evrazijstva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskij analiz [The ideas of classical Eurasianism and modernity: a socio-geographical analysis]. Rostov-on-don: Southern Federal University, 270 p. (In Russian).
20. Garlik A.I. (2000). Idei evrazijstva v kontekste sovremennogo razvitiya Rossii [The ideas of Eurasianism in the context of Russia's modern development]. Candidate's thesis. Chita, 140 p. (In Russian).
21. Samokhin A.V. (2004). Evrazijstvo kak idejno-politicheskoe techenie v Rossii HKH veka [Eurasianism as an ideological and political movement in Russia in the 20th century]. Extended abstract of candidate'sthesis. Moscow, 32 p. (In Russian).
22. Berdin A.T., Buranchin A.M. (2008). Sovremennye techeniya evrazijstva v politicheskoj zhizni Rossii [Modern trends of Eurasianism in the political life of Russia]. Panorama Evrazii [Panorama of Eurasia], 1, 58-64 pp. (In Russian).
23. Nasynbaev A.N. (2009). Evrazijstvo v HKHI veke: problemy i perspektivy [Eurasianism in the 21st Century: Problems and Prospects]. Almaty: IFP KN MES RK, 334 p. (in Kazahstan).
24. Dugin A.G. (2010). Evrazijskaya missiya Nursultana Nazarbaeva [Eurasian mission of Nursultan Nazarbayev]. Moscow: ROF Eurasia, 285 p. (In Russian).
25. Nazarbayev N.A. (1997). Evrazijskij soyuz: idei, praktika, perspektivy 1994-1997 [Eurasian Union: ideas, practice, prospects 1994-1997]. Moscow: Foundation for Assistance to Social and Political Sciences, 479 p. (In Russian).
26. Brzezinski Zb. (2021). Velikaya SHahmatnaya doska [The Great Chessboard]. Moscow: AST, 384 p. (In Russian).
27. Duishoev E.K. (2024). Mirovozzrencheskie osnovaniya i social'nyj potencial evrazijskogo proekta v usloviyah sovremennyh obshchestvenno-politicheskih realij [Ideological foundations and social potential of the Eurasian project in the context of modern socio-political realities]. Extended abstract of candidate'sthesis. Novocherkassk, 23 p. (In Russian).
28. Seliverstov S.V. (2009). Kazahstan, Rossiya, Turciya: po stranicam evrazijskih idej HIH-HKHI vekov [Kazakhstan, Russia, Türkiye: Through the Pages of Eurasian Ideas of the 19th and 21st Centuries]. Almaty: Publishing house, 328 p. (in Kazahstan).
29. Kissinger H. (2022). Mirovoj poryadok [World order]. Moscow: AST, 512 p. (In Russian).
30. Simashko M.D., Eleukanov Sh. R., Rovensky N. S. (1996). Evrazijskij talisman: teksty [Eurasian mascot: texts]. Almaty: Knowledge, 181 p. (in Kazahstan).

31. Bazavluk S.V. (2025). Evrazijskaya ideologiya i evrazijskaya integraciya: teksty [Eurasian ideology and Eurasian integration: texts]. Moscow: Aspect Press, 345 p. (In Russian).
32. Kalish Ya.V. (2018). Evrazijskaya integraciya: idejnye osnovaniya, politicheskij opyt, vyzovy i perspektivy [Eurasian Integration: Ideological Foundations, Political Experience, Challenges, and Prospects]. Candidate's thesis. Moscow, 208 p. (In Russian).
33. Zhdanova G.V. (2002). Evrazijstvo v sovremennyh issledovaniyah, filosofskie aspekty [Eurasianism in modern research, philosophical aspects]. Candidate's thesis. Moscow, 145 p. (In Russian).

FROM EURASIANISM TO NEO-EURASIANISM: FEATURES OF THE EVOLUTION OF DISCOURSE

R. I. Shaidulin

The article examines the evolution of the ideological movement of Eurasianism as an attempt to formulate a model of socio-cultural identity in the post-Soviet space. As a developed socio-philosophical approach, the idea of the beginning of the development of Eurasianism and its further transformation into neo-Eurasianism as a dialectical opposition to the liberal idea of Western philosophical thought is proposed. The main approaches (neo-Eurasianism of A.G. Dugin, left-wing current, right-wing conservative, "regional", etc.) of modern researchers are classified, characterizing discursive currents (socio-political, socio-cultural, methodological, etc.) within neo-Eurasianism. This article examines the interpretation of neo-Eurasianism in neighboring countries (the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic). Fundamental tenets (neoconservatism, anti-globalism, etc.) that link the multifaceted neo-Eurasian discourse into a unified stream of meaning are highlighted.

Key words: Eurasianism; neo-Eurasianism; a civilizational approach; Kazakhstan's neo-Eurasianism model, Eurasian Economic Union.

Поступила в редакцию 18.02.2026 г.

Шайдулин Руслан Ильдосович
аспирант кафедры теологии, философии и культурологии,
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, РФ.
E-mail: Historic_28@mail.ru

Shaidulin Ruslan Ildosovich
Postgraduate student of the department of Theology, Philosophy and cultural studies,
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, RF.
E-mail: Historic_28@mail.ru